

ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА ИГРАЮЩЕГО» В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

Понятие *человек* является одним из наиболее сложных. Человек как личность, имеющая тело, душу, речь, т.е. человек с его чувствами и состояниями, мыслями и словами, поступками и эмоциями стоит в центре мира. В последнее время в разных областях знания делаются попытки наиболее адекватно описать это сложнейшее понятие. В лингвистике, например, тема человека рассматривается в работах Н.Д.Арутюновой, Ю.Д.Апресяна, В.Ю.Апресян, Анны Вежицкой, Анны Зализняк и других авторов. В мае 1996 г. в Москве в Институте языкознания Российской академии наук под руководством Н.Д.Арутюновой прошла конференция, посвященная образу человека в зеркале разных языков и культур.

В отдельных исследованиях выделены разные ипостаси человека: *Homo sapiens*, *Homo faber* («человек созидающий»), *Homo ludens* («человек играющий»), которые являются универсальными концептами. Образам «человека грамотного», «человека играющего», «человека сочувствующего» посвящены работы С.М.Прохоровой. Эти образы реконструировались ею на основании языковых данных с опорой на теорию вертикальных синтаксических полей (3).

Наибольший интерес для нас представляет образ «человека играющего». Цель статьи – показать, каким предстает человек в

свадебной традиции на этнографическом и фольклорном материале Могилевщины.

Представление человека как «человека играющего», пришедшего на смену «человеку мыслящему» и «человеку созидающему», – принадлежит Й.Хейзинге (1). Он отмечал, что не все языки сформировали это общее понятие, несмотря на то, что все народы играют удивительно похоже (но имеют и неэквивалентные национальные игры).

Й.Хейзинга выдвинул свою теорию культуры. Он считал, что человеческая культура возникает и разворачивается подобно игре, о чем свидетельствует и концептуальная (базовая) метафора мир – театр.

В свете этого свадьбу как одно из наиболее замечательных явлений духовной культуры можно рассматривать как игру. Свадебный обряд представляет собой своего рода действие, зрелище, где четко обозначены и распределены роли, где есть свои правила и запреты. В нем есть много непонятных моментов – своего рода «темных мест». Например, в ритуале связывания рук жениха и невесты рушником рушник выступает как символ единения молодых. Тогда почему на свадебной церемонии они стоят на рушнике? Почему невеста дарит жениху платок – предмет, не связанный, казалось бы, с мужским костюмом?

*Плат, платок, чароўны пакроў,
Хай цяты на табе гараць,
Дурныя глаз адварацяць,
Маладога (імя) прыварэжаць,
Ад бяды сцярэжаць...*

(д. Тростино Хотимского р-на).

В течение многих веков, как известно, обычаи и обряды основывались на магическо-религиозных представлениях. Фундаментом обрядовых действий был менталитет древнего человека, куда входили такие понятия, как тотемизм, вера в бессмертие и переселение душ, понятие о царстве мертвых. К началу XX в. характер обычаев и обрядов изменился. Магическо-религиозная основа была почти забыта. «Все более сливаясь с игрой, обычаи и обряды стали приобретать характер праздничного развлекательного действия» (2, с.7). Для современного носителя традиционной народной культуры это игра, и он всегда принимает ее условия, будучи зачастую не в силах объяснить происхождение того или иного риту-

ального действия. В этом случае мы вступаем в область сакральных игр, учитывая оппозицию «сакральное – профанное».

Древнейшие представления о сакральном характере многих игр отражает свадебная терминология. Широко известному русскому выражению *играть свадьбу* и белорусскому *гуляць вяселле* соответствует распространенное в могилевских говорах выражение *гуляць свадьбу*, явившееся результатом контаминации этих двух конструкций.

Раней свадьбы гуляли добра, весила, з гармоникам.

(д. Селец Мстиславского р-на).

Свадьбы у нас тожса интйресна гуляют. Сначала сабираицца радня жаниха у яго дома. Тады едут да маладой.

(д. Звенчатка Климовичского р-на).

Связь с игрой отражена в терминах *гуль*, *гульба*, *гульня*, *гулянка*, распространенных в могилевских говорах в значении «свадьба», и в терминах *догулы*, *догулки* в значении «последний день свадьбы».

Настя дочку замуш аддае, во гуль будить.

(д. Липовка Хотимского р-на).

Как свадьба к канцу иде, так то ужсо дагулки называюцца.

(д. Ст. Дедин Климовичского р-на).

Интересен тот факт, что в могилевских говорах слово *человек* встречается в значении «муж» (ср. в бел.яз. чалавек – муж, мужчина; в укр.яз. чоловік – мужчина):

Празьыла я са сваим чалавекам ужсо трыццать гадоў.

(д. Ковшово Мстиславского р-на).

Такое употребление слова *человек* связано, очевидно, с древним восприятием мужчины как нейтрально-положительного существа в культуре и языке русских и белорусов.

Традиционно всю свадебную обрядность делят на три этапа: предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный. У каждого этапа свои цели и задачи. В соответствии с этим намечается круг действующих лиц, распределяются роли. Кроме невесты, жениха и их родителей, обязательными участниками свадьбы были их ближайшие родственники с обеих сторон, крестные, выполняющие зачастую роль сватов и свах, распорядитель свадьбы («толмач»), «друзжки» – друзья жениха, «товаришки» – подруги невесты. Состав свадебных чинов мог расширяться. «Поезд» же-

ниха возглавлял «тысяцкий»; приглашались на свадьбу «кубельники» (лица, перевозившие приданое невесты в дом жениха) и «каравайницы» (участницы каравайного обряда). Если односельчан не приглашали на свадьбу и не усаживали за столы, то они могли участвовать в ней в качестве зрителей, устраивать «заставы», представления с требованием «выкупа» (их называли «зайцами»).

Терминсистемы свадебных чинов можно представить как совокупность системы наименований и системы установок, т.е. порядка действий, регламентирующих поведение того или иного свадебного чина в течение свадьбы. Правилами игры предписываются также условия: каким должен быть тот или иной человек, что должен уметь, чтобы справиться с ролью. Так, например, невеста выбирает себе *подневестницу* – свидетельницу, жених – *подженишника* – свидетеля из числа наиболее разговорчивых и находчивых. Главным дифференцирующим признаком здесь является оппозиция «женатый – холостой»: свидетелем мог быть только холостой парень, свидетельницей – только незамужняя девушка.

Паднявесница на свадьби даджна быть як сарока у лесу.

(д. Липовка Хотимского р-на).

Паднявесница даджна паджанишнику дать адбой, штоп деўкабой была, низамужняя.

(д. Селец Мстиславского р-на).

Кали у цэрквы винчають, дык паджанишник и паднявесница над галовами маладых какарды держать.

(д. Тростино Хотимского р-на).

Про подженишника и подневестницу бытует много поговорок, поются песни.

Паднявесница-птица

Сядить, як лисица.

(д. Кулешовка Климовичского р-на).

Паджанишник, мой сакол,

ни садися ты миш акон,

а то ускочыть мыш у рот.

(д. Полошково Климовичского р-на).

На протяжении свадьбы у одних и тех же действующих лиц роли могли несколько раз меняться. А с новой ролью происходила и смена функций, атрибутов внешнего облика свадебного чина. Так, например, невеста в дни, предшествующие свадьбе и в дни свадьбы играет несколько ролей. Это связано с сущностью свадь-

бы как переходного обряда: девушка становится замужней женщиной, как бы «переходит» в другой мир, умирает и возрождается в ином качестве. Соответственно меняется и обозначение ее состояния. После сватовства невесту называют *сговоренка, зарученная, помолвеная*.

Як деўку згаваряць, дык яна памолвіная.

(д. Б.Рубановка Мстиславского р-на).

Одежда: ее значительно отличается от той, что она носила в девичестве и будет носить после венца. В д.Тростино Хотимского р-на; например, девушке после сватовства нельзя было надевать праздничную одежду, показываться в деревне «на людях» без *хусты* – головного платка. В девичьем венке она могла быть только в доме и только с подружками.

Песни этого цикла проникнуты грустью, печалью, мотивом прощания с родителями, подругами.

Ой ня жыць мне болей з маці ў роднай хаці,

Не хадзіці і з вамі на лужок гуляці,

Песень не спяваць, вянкоў не паплятаць...

(д. Марковка Хотимского р-на).

В момент свадьбы у невесты другая роль. Теперь ее называют *княгиней, молодой, невестой, подвенечницей*. На ее голове *венец* – венок, сделанный из бересты или картона и обтянутый красной тканью, сзади – белая фата – *вэль* – символ чистоты и непорочности. Смена настроения ощущается и в песнях: Они проникнуты пожеланиями счастья молодым, их возвеличиванием.

А едуць бяры мыладэя

І вязуць нам князя мыладога,

Мыладэі князь усё Васечка,

Мыладая княгіня усё Леначка.

(д. Канавка Хотимского р-на).

Смена головного убора невесты в дни свадьбы была знаком инициации, символизировавшим изменение социального статуса. С головы невесты снимали венок, затем волосы, лучшее девичье украшение, заплетали по-женски в две косы и надевали на голову женский чепец или повязывали платок – *молодуху*. Невесту после совершения этих ритуальных действий называли *молодухой, молодницей*.

Щас на свадьби маладухай ужо ни павязваюцца, а раньшы, кали деўка жонкай делаицца, тады яна ужо маладуха. Яна косы кругам галавы абматая и на их платок завязвайт, а яшчэ раньшы чапец надивали.

(д. Полошково Климовичского р-на).

Смена социального статуса невесты отражена и в фольклорных текстах:

*Спусцілася чорна ночка,
Месяц выйшаў усё з-за гор,
Скінула мамкіна дочка
Свой дзявочы убор...*

(д. Тростино Хотимского р-на).

*А учора была, як роза цвяля,
А сянні устала, як роза звяля.
А учора я была, як дзявіца,
А сяння стала маладзіцаю.*

(п. Майский Чериковского р-на).

Выше мы рассмотрели случаи, когда исполнение той или иной роли предписывала определенная ситуация. Но человек во время свадебного действия мог сам выбирать себе роль. Например, на заключительном этапе свадьбы, когда все торжественные ритуальные моменты уже прошли, и старые, и молодые гости переодевались в цыган, разных животных, женщины – в мужчин и наоборот. Свадьба приобретала почти карнавальный характер.

Веселье на свадьбе, помимо общественно-бытового смысла, имело и сакральный смысл. Оно широко использовалось в качестве оберега и средства защиты молодых от потусторонних сил, а также выполняло магическую, заклинательную функцию надления участников свадьбы, и прежде всего ее главных персонажей – жениха и невесты – здоровьем, силой, процветанием, благополучием.

Песни этого цикла веселые, шуточные.

*Не паедзем мы двору,
Ня зделаўшы шкоду.
А ці печку абернім,
Ці лаўку абломім...*

(д. Тростино Хотимского р-на).

Кроме игр на свадьбе, были игры «в свадьбу». Примером этому служит святочное представление – игра в свадьбу, не связанное

непосредственно с самим обрядом. В могилевских говорах оно известно как фразеологизм *бахаря женить*.

На святки бахаря жанили.

(д. Звенчатка Климовичского р-на).

В сознании носителей традиционной народной культуры это обрядовое действие воспринимается с учетом оппозиции «игра – серьезное», что находит отражение и в языке: *бахаря женить* – «делать что-либо несерьезное, поступать безответственно» – второе значение фразеологизма.

Эта тебе ни бахаря жанить, на на адин день, а на усю жысь.

Подводя итог, отметим, что обряд – это своеобразная информация общества о том или ином событии в жизни человека. Свадебный обряд – один из наиболее ярких и богатых. Именно в нем раскрывается и культура, и психология, и самобытность, и неповторимость каждого народа. У разных народов свадьба имеет свои особенности. Соответственно и образ *Homo ludens* будет разным.

Список литературы

1. Й.Хейзинга. *Homo ludens*. – М., 1992.
2. Маслова Г.Г. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – нач. XX в. – М., 1984.
3. Прохорова С.М. Еще раз о языковой непрерывности. – М., 1999.